

О СУЩНОСТИ ФЕНОМЕНА ИДЕЙНО-СУБЪЕКТНОЙ ПОГРАНИЧНОСТИ В РУССКОЙ ЛИРИКЕ НАЧАЛА XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ А. БЛОКА, С. ГОРОДЕЦКОГО, С. КЛЫЧКОВА)

Е.В. Локтевич

Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, г. Гродно, Беларусь

В статье выявляются причины индивидуализации субъектно-объектных отношений в поэзии начала XX века. Определяются основные коммуникативные стратегии поэтов Серебряного века, и обосновывается типология субъектной организации их лирики. Характеризуется специфика религиозной ситуации, которая сложилась в русской культуре рубежа веков. Осмыслиется формирование принципов новой эстетики, отвечающей требованиям поэтики неклассической лирики. При помощи системно-субъектного метода исследования демонстрируется взаимодействие в поэзии А. Блока, С. Городецкого и С. Клычкова трех типов субъектной организации (взаимозаменяемого, иерархического и уравнивающего), пересечение или соединение которых реализовалось в идейно-субъектной пограничности. Выявляется сущность феномена идейно-субъектной пограничности в контексте религиозно-философских воззрений поэтов. Определяется типологическое сходство мировоззрения А. Блока, С. Городецкого и С. Клычкова и мировоззрения других поэтов начала XX века: В. Брюсова, З. Гиппиус, А. Барковой. Полученные результаты будут способствовать дальнейшей разработке теоретических аспектов субъектной организации лирики рубежа XIX–XX вв., а также поэзии других эпох.

Ключевые слова: лирический герой, межсубъектность, неосинкретизм, субъектная организация.

Для русских поэтов начала XX века образ мира утрачивал свою цельность, что явилось причиной религиозной дезориентации, сложности культурного самоопределения; рождалось огромное количество новых философских, научных, психоаналитических идей и концепций. Многие современные исследователи (Т.В. Бернюкевич, Н.А. Богомолов, Л.И. Будникова, В.В. Виноградова, Н.К. Гаврюшин, И.В. Гречаник, В.Н. Демин и др.) пытаются осмыслить истоки формирования на рубеже веков новой семантики понятия «душа». Сложность в оценке первооснов связана с активным синтезом культурных традиций – органичным соединением духовного потенциала библейских текстов, фольклора и мифологии. Неприятие обыденности человеческого существования, отрицание возможности счастья в земной ипостаси, стремление к преображению мира воспринимаются как норма. «Бог и человек» – одна из главных тем в работах русских философов (Вл. Соловьева, Л. Карсавина, К. Леонтьева, С. Булгакова, В. Розанова, Н. Федорова, П. Флоренского, Н. Бердяева и др.). Поиск «живого» слова, обладающего особенной интуицией и энергией, становится общим для литературы и философии. Идеальная основа мира преподносится как фундамент для создания нового искусства и как призма, сквозь которую возможно исследовать законы земного бытия, определить взаимоотношения Бога и человека.

Пересмотру незыблемости устоявшихся религиозных категорий во многом способствовал технический прогресс, наука. Так как человек спосо-

бен «переосмыслить» и «трансформировать» структуру вселенной, то, возможно, он выполняет теургическую функцию. «Художники и поэты, – писал Вл. Соловьев, – опять должны стать жрецами и пророками, но уже в другом, еще более важном и возвышенном смысле: не только религиозная идея будет владеть ими, но и они сами будут владеть ею и сознательно управлять ее земными воплощениями» [12]. Именно с этого неоправославного утверждения, считает В.В. Бычков, «начинается новый существенный этап в русской религиозной эстетике» [5, с. 3], который в начале XX в. достигает своего апогея.

На познание подлинной «тайны» – абсолютного духовного начала – направлено все: всесторонне отразившаяся в поэзии трансформация жизненных приоритетов, внедрение в содержательную структуру лирики «игр с „доброй смертью“» [9, с. 20], воплощение в текстах *трагической иронии* религиозно-философского характера, желание поэтов создать индивидуальный *образ души мира*. Ситуация остроконфликтной антиномичности (противоборство нравственности и эстетики, политики и философии, личности и коллектива, социального и религиозного, мужского и женского и др.), по мнению культуролога А.А. Ходорова, «не только не преодолевалась, но даже искусственно культивировалась» [15, с. 4]. Это согласуется с пониманием эпохи художественной модальности как периода, в котором личность воспринимается не как монологическое единство, а как множественность. Данная установка неклассической лите-

ратуры способствовала зарождению такого типа субъектных отношений, в котором между автором и героем формируется обновленная семантика целостности – *межсубъектная*¹. Актуализировался новый принцип *субъектной организации*² – преодоление границ различения автора и героя.

Таким образом, специфика сложившейся в русской культуре начала XX в. религиозной ситуации проявилась и на уровне коммуникативной структуры поэтического текста. Поэтому, наряду с явлением *межсубъектной целостности и субъектного неосинкретизма* (понятия, введенные в научный оборот С.Н. Бройтманом), необходимо, на наш взгляд, говорить об *идейно-субъектной пограничности*³. Этот феномен создавал почву для внутритекстового многосубъектного диалога, что способствовало нивелированию жесткого разделения ценностных систем и производило эффект «переодевания» героя.

Таким образом, новое религиозное сознание эпохи рубежа XIX–XX вв. открыло для поэтов эстетический облик «вселенской истины», сакральный смысл поэтического слова и указало на необходимость «примирения» реальной действительности и идеальных представлений о духовности. Произошло взаимодействие тенденций мировой культуры разных периодов, что определило пути религиозно-философского осмысления бытия: укреплялась тенденция к синтезу языческих представлений о мире и человеке, основ традиционного христианства и принципов неохристианства. Этим объясняется, на наш взгляд, использование в лирике данного периода *трех типов субъектной организации*, пересечение или соединение которых реализовалось в идейно-субъектной пограничности. Эти типы можно обозначить как *взаимозаменяемый, иерархический и уравнивающий*.

Взаимозаменяемый тип субъектной организации отражает влияние славянского язычества на лирику. В силу хорового начала (отсутствия необходимости выделения определенного голоса⁴) синкретической поэзии все ее субъекты взаимозаменяемы; субъектная структура тут воплощает

нераздельную множественность. В язычестве человек приравнивался к явлениям природы, сливаясь с ними, поэтому в синкретической поэзии переходы от одного образа к другому стираются. Лирика начала XX в. эту слиянность субъектов использовала шире – для сакрализации поэта (тут очевидно влияние философии Ф. Ницше) как посредника между Богом и людьми. Так как лирический герой и герои ролевой лирики – формы выражения авторского сознания, то любой субъект в стихотворении мог выступить в качестве теурга, избранника. Это позволяет выделить в лирике рубежной эпохи такой тип субъектной организации, при котором автор, лирический герой и герои ролевой лирики взаимозаменяемы, что делает невозможным выделение определенного субъекта сознания.

Иерархический тип субъектной организации отражает влияние на лирику начала XX в. догматов традиционного христианства, согласно которым человек – раб Божий и во всем должен полагаться на волю Творца. Сакрализация самим себя тут принципиально невозможна. Даже праведники видели только свою греховность, поэтому мысль о самообожении, которое понимается в христианстве как следствие гордыни – качества дьявола, для них была исключена. Иерархический тип субъектной организации предусматривал отсутствие отождествления автора и героя и определял между ними некоторую дистанцию. О таком статусе автора по отношению к герою писал М.М. Бахтин: «Сознание автора есть сознание сознания, то есть объемлющее сознание героя и его мир сознание <...> Автор не только видит и знает все то, что видит и знает каждый герой в отдельности и все герои вместе, но и больше их, причем он видит и знает нечто такое, что им принципиально недоступно» [2, с. 14]. Утрата этой ценностной точки венаходимости автора по отношению к герою приводит, по мнению ученого, к тому, что герой завладевает автором или автор завладевает героем, сам герой может стать своим автором [2, с. 18–21].

Уравнивающий тип субъектной организации свидетельствует о влиянии неохристианства на лирику начала XX в. Этому способствовала сложная общественно-политическая и культурная ситуация в России. Попытки создать новую религию привели к переосмыслению духовных основ традиционной христианской церкви. Постепенно исчезла иерархичность в системе отношений «Бог – человек» и, соответственно, в системах «Творец – творение», «Автор – герой». Эта тенденция проявилась в уравнивании статуса автора и других субъектов сознания – как раз в явлении межсубъектной целостности. Таким образом, автор сливался с другими субъектами сознания, а его руководящая функция в тексте нивелировалась. Переосмысление роли художника слова в процессе

¹ Подробные выводы в отношении субъектной организации лирики эпохи художественной модальности сделаны С.Н. Бройтманом в «Исторической поэтике» [13, с. 255–258].

² Термин *субъектная организация*, введенный Б.О. Корманом, обозначает «соотнесенность всех отрывков текста, составляющих в совокупности данное произведение, с используемыми в нем субъектами» [11, с. 29]. Теория Б.О. Кормана является наиболее разработанной и потому общепризнанной в современном литературоведении.

³ Под *идейно-субъектной пограничностью* мы понимаем *нахождение лирического героя на «границе» разных философских и религиозных идей, проявившееся в межсубъектности*.

⁴ О.М. Фрейдберг считает, что в эпоху синкретизма не существовало «чистого объекта», так как авторское «я» не имело тогда «личностного значения» [14, с. 43].

создания им произведения уже в середине XX в. привело к рассуждениям о «смерти автора»⁵.

В результате соединения трех типов субъектной организации в лирике начала XX века происходит постоянное смещение субъектных границ. Соединение принципов синкретической поэзии (отражающей первый тип субъектной организации) и поэтики художественной модальности (реализованной во втором и третьем типах субъектной организации) привело к формированию различных вариаций субъектно-объектных отношений. Рассмотрим это далее на конкретных примерах анализа стихотворений, написанных А. Блоком, С. Городецким и С. Клычковым в 1900-е гг.

Религиозное мировоззрение А. Блока основывается на синтезе язычества и православного христианства, поэтому в его лирике преобладает первый и второй тип субъектной организации. Семантическая структура поэзии автора строится на имманентном единстве оппозиции «добро–зло», что, с одной стороны, отвечает требованиям, предъявляемым в начале XX века к внутреннему содержанию поэтического слова (осуществляется реализация таких принципов поэтики художественной модальности как теургическое самосознание и синтез противоположных религиозных воззрений), а с другой, – свидетельствует о духовной раздвоенности высшего субъекта сознания (собственно автора). Эта особенность становится причиной идейно-субъектной пограничности в лирике А. Блока: «Есть лучше и хуже меня, / И много людей и богов, / И в каждом – метанье огня, / И в каждом – печаль облаков» [3, с. 176].

Первоначально лирический герой понимает людей и богов как единое целое, что является реализацией множественности как принципа поэтики синкретизма. Однако уже в третьей и четвертой строфах этого стихотворения обнаруживается его отношение к духовным основам традиционного христианства, проявившееся в богоборчестве: «Да буду я – царь над собой, / Со мною – да будет мой гнев, / Чтоб видеть над бездной глухой / Черты ослепительных дев! / Я сам свою жизнь сотворю, / И сам свою жизнь погублю» [3, с. 176–177].

Лирический герой пытается победить высшего субъекта сознания (собственно автора), поэтому в субъектной организации стихотворения исчезает

⁵ Р. Барт писал: «Для тех, кто верит в Автора, он всегда мыслится в прошлом по отношению к его книге; книга и автор сами собой располагаются на общей оси, ориентированной *до* и *после*; считается, что Автор *вынашивает* книгу, то есть предшествует ей, мыслит, страдает, живет для нее, он так же предшествует своему произведению, как отец сыну. <...> Ныне мы знаем, что текст представляет собой не линейную цепочку слов, выражающих единственный, как бы теологический смысл („сообщение“ Автора-Бога), но многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным» [1, с. 385–387] (курсив автора. – Е.Л.).

как взаимозаменяемость, так и иерархичность первичного и вторичного субъектов сознания. В последних двух стихах появляется тенденция к уравниванию, выраженная в форме протеста: «Я буду смотреть на Зарю / Лишь с теми, кого люблю» [3, 177].

Еще большим стремлением к субъектному уравниванию характеризуется структура другого стихотворения А. Блока «Вот Он – Христос – в цепях и розах –...»: «Вот Он – Христос – в цепях и розах – / За решеткой моей тюрьмы. / Вот Агнец Кроткий в белых ризах / Пришел и смотрит в окно тюрьмы» [3, 165]. При этом в финале стихотворения, как и во многих стихотворениях А. Блока, первичный субъект сознания и речи ищет «возврата» к иерархическому типу субъектной организации, что по сути является аллюзией на библейскую притчу о блудном сыне. Лирический герой понимает, что такой субъектный переход потребует лишь одного – смирения: «И все так близко и так далеко, / Что, стоя рядом, достичь нельзя, / И не постигнешь синего Ока, / Пока не станешь сам как стезя... / Пока такой же нищий не будешь, / Не ляжешь, истоптан, в глухой овраг, / Обо всем не забудешь, и всего не разлюбишь, / И не поблекнешь, как мертвый знак» [3, с. 165].

К сожалению, лирический герой понимает смирение как следствие смерти, свидетельством чему становится образ *мертвого злака*. Синонимичные конструкции этого образа можно обнаружить не только в лирике символистов, но и в поэзии ГУЛАГа, например, в лирике А. Барковой: «Я – зерно гниющее, с страданьем / На закланье я иду. / Кровь души я отдам с роптанием / За грядущую звезду» [6, 19]. Такое типологическое сходство подтверждает неприятие многими поэтами начала XX века смирения как высшего духовного качества души. Рождается «возбужденное» желание смерти, мыслимой в неорелигиозных представлениях творческой личности как спасение, возможность внутреннего успокоения.

Вопрос о сущности добра и зла становится для лирического героя А. Блока источником двойничества, а потому недоверия и одиночества; эту межсубъектную целостность в его поэтическом творчестве отразил феномен идейно-субъектной пограничности: «Я надел разноцветные перья, / Закалил мои крылья – и жду. / Надо мной, подо мной – недоверье, / Расплывается сумрак – я жду... / Но сверкнут мои белые крылья, / И сомкнутся, сожмутся они, / Удрученные снами бессилья, / Засыпая на долгие дни» [3, с. 84–85].

Субъектная организация стихов А. Блока обладает типологическим сходством с субъектной организацией лирики его университетского друга – С. Городецкого, творческий путь которого связан до 1910 г. с художественной школой символизма. Поэт осмысливает принципы поэтики эпохи синкретизма в контексте новой эстетики, формировавшейся в русской культуре с 80-х гг.

XIX в., а потому лирический герой поэта демонстративно сакрализует сам себя, отдавая во власть темной стороны небытия, понимаемого как инобытие (идеальное бытие – прим. Е.Л.): «Я тень грядущего светила. / Я темен: свет горит за мной» [8, с. 35].

Субъект сознания и речи не просто «заворочен» своим внутренним миром – он желает увлечь за собой других: «Кто хочет новых трепетаний, / Проникни в сумерки мои: / Во мгле неясных очертаний / Зажгутся первые огни» [8, с. 35].

Во время ироничных «заигрываний» лирический герой С. Городецкого часто прибегает к откровенной дерзости, отвергая значимость для него высшего субъекта сознания и тем самым ликвидируя иерархию в отношениях «Творец-творение», «Бог-человек»: «Я далекий, я нездешний, / На земле я только миг. / Всюду вечный, здесь я вешний, / Сам – господь своих вериг» [8, с. 34]. Подобное «перевоплощение» – свидетельство актуализации в лирике поэта уравнивающего типа субъектной организации, демонстрирующей идейно-субъектную пограничность: «Расцветает, голубеет, / Зеленеет – это я. / Посветлеет, заалеет – / Это зов: зовут меня» [8, с. 34].

Лирический герой не знает – кто и куда его зовёт; это оказывается неважным, ведь он не имеет нужды в выборе пристанища: «Я под солнцем беспечальным / Верю светам изначальным, / Изливаемым во тьму. / Сумрак – женское начало, / Сумрак – вечное зачало, / Верю свету и ему» [8, с. 34]. «Раздвоенность» души лирического героя приводит его к утрате веры в Бога, а это становится причиной отчаяния, тяжелых размышлений о смерти: «Я оплакал себя, схоронил, / Отходную себе произнес. / Новый крест в куче старых могил / Бугорок надо мною вознес. / И не знаю, что делать теперь, / Что мне делать теперь без меня. / Обметая могильную дверь, / Поживу до девятого дня» [8, с. 45].

Субъект сознания не просто «играет» со смертью, он «призывает» ее, желая прекратить свое земное существование и взглянуть в лицо небытия: «Я в гробу лежу и слышу: / Ветер дышит надо мной. / Я локтем приподнял крышу, / Стонет гроб мой парчевой. / Щель темна, узка и скрыта. / Кровь сочится из плеча. / Упаду опять в корыто, / Задужи меня, парча!» [8, с. 46].

Образ «долгожданной» смерти можно встретить и в лирике другого поэта-символиста В. Брюсова: «Лежу в могиле, умираю, / Молчанье, мрак со всех сторон... / И все трудней мне верить маю, / И все страшней мой черный сон» [4, с. 165], и в лирике А. Барковой: «Это кладбище очень милое, / Я люблю здесь танцевать... / Здесь мечта моя покоится... / Под этим камнем нежность бьется... / Но что бы со мною было, / Если б мертвые вздумали встать» [6, с. 17]. Следует отметить, что тенденция «восхищения» смертью привела в начале XX века к воспеванию одной из ее демонических ипостасей – самоубийства (см., например,

стихотворение В. Брюсова «Демон самоубийства» [4, с. 162]).

Неорелигиозный синтез представлен в стихотворении С. Городецкого «И рвал и метал, и болел и томился...»: «И рвал и метал, и болел и томился: / Сойди, низойди, ороситель полей! / Пустой наготы небосвод не стыдился, / И канул в небывшее ливень-елей. / Сгорело мольбою лицо истомленное. / Наутро закапана розами гладь. / И поле дымится, туманом смущенное: / Росой заревою сошла благодать» [8, с. 52]. Субъект сознания (лирический герой) стремится соединить на идейном уровне текста язычество и христианство, намеренно подчеркивая их нераздельную цельность. В данном случае феномен идейно-субъектной пограничности проявляется в двусмысленности двух первых стихов, формально представляющих собой «заклинание-молитву». Молитва христианина смиренна, а лирический герой С. Городецкого «И рвал и метал, и болел и томился» [8, с. 52], требуя исполнения желаемого. Тенденция дерзко «требовать» у Бога проявилась и в творчестве других символистов, например, в лирике З. Гиппиус: «Прими, Господь, мое хотенье! / О, жги меня, как я – свечу, / Но ниспошли освобожденье, / Твою любовь, Твое спасенье – / Кому хочу» [7, с. 70].

Синтез принципов поэтики эпохи синкретизма и принципов поэтики художественной модальности (неклассического периода) представлен в поэзии новокрестьянского поэта С. Клычкова, воспитанного в старообрядческой (древле-православной) религиозной традиции. Его лирический сборник «Потаенный сад» (1913 г.) семантически связан с мифологемой *утраченного рая*, который тут преобразуется в *теремок, келью, горницу небесную, дымную хату*; в стихотворениях сборника встречаются старообрядец «старец мудрый» и «грустный инок». Эмоциональным «ядром» сборника становится таинственная *печаль*: «Но я печаль мою таю, / И в певчем сердце тишина. / И так мне жаль печаль мою, / Не зная, кто и где она...» [10].

Фольклорная песенная традиция сочетается в лирике С. Клычкова с поиском новых духовных граней бытия: «Ручеек бежит по лугу, / А мой сад на берегу, / Он стоит невидим другу, / Невидим врагу... / Ой ли сад любви, печали, / А в нем ветки до земли – / Да они весной почали, / По весне цвели... / Не услышать другу гуслей, / Не гулять в моем саду, / А и сам-то я из сада / Ходу не найду!...» [10]. Желание лирического героя покинуть сад связано с печалью, пришедшей «тропой лесной»: «А сад мой цвел во всем году, / Теперь завял весною...» [10].

С одной стороны, субъект сознания желает отыскать выход из сада, в котором живет печаль, но с другой стороны, он тут счастлив: «Я играю в гусли, сад мой стерегу, / Ах, мой сад не в поле, сад мой не в лугу, / Кто на свете счастлив? Счастлив,

верно, я, / В тайный сад выходит горница моя» [10]. Такое смятение чувств, их дуализм связан с наличием в лирике С. Клычкова феномена идейно-субъектной пограничности, ведь первичный субъект сознания готов оправдать любое ожидание, если оно обещает желанную встречу с другом (со вторичным субъектом сознания): «Твердят: печаль – старик слепой! / Кого же я, счастливый, / Бродя просшею тропой, / Так долго жду у ивы?» [10].

Интересно для понимания религиозно-философских воззрений С. Клычкова стихотворение «Образ Троеручицы», в котором предстают три пути духовного обновления человека, три пути к Богу (язычество, христианство и неохристианство); при этом лирический герой поэта считает и ценностно равными: «Три руки у Богородицы / В синий шелк одеты – / Три пути от них расходятся / По белому свету... / К морю синему – к веселию / Первый путь в начале... / В лес да к темным елям в келию – / Путь второй к печали. / Третий путь – нехоженный, / Взглянешь, и растает, / Кем куда проложенный, / То никто не знает» [10].

Незнание героя (первичного субъекта сознания и речи) согласуется с образом невидимого неизвестного друга, что вновь свидетельствует о функционировании в лирике поэта феномена идейно-субъектной пограничности. Друг становится в сознании лирического героя одной из его ипостасей, его частью, которая, возможно, в лирике поэта преобразуется в образ невесты: «Вся она убрана кисеей венчальной; / На заре я рано прихожу печальный, / Рано из тумана прихожу к невесте, / Приношу, печальный, радостные вести» [10].

Так же как у А. Блока и С. Городецкого, в лирике С. Клычкова присутствует желание «возвышенной» смерти: «У оконницы моей / Свищет старый соловей. / На поляне у ворот / Собирается народ. / Говорят, что поутру / Завтра рано я умру – / Месяц выкует из звезд / Надо мной высокий крест» [10]. Ожидание лирического героя соединено в стихотворении с ожиданием народа, что делает всех субъектов сознания единым целым и связано с мотивом соборности, переосмысленным в русле нового религиозного сознания эпохи рубежа веков.

Таким образом, религиозно-философские воззрения русских поэтов начала XX века как результат переосмысления действительности в свете новой культурной парадигмы обусловили субъектный неосинкретизм их поэзии. Субъектная организация лирики А. Блока, С. Городецкого и С. Клычкова отражает взаимодействие субъектов и объектов в содержательно-формальных контаминациях, основанных на слиянии принципов эпохи синкретизма и эпохи художественной модальности. Противоречивость духовной атмосферы рубежной эпохи проявилась во взаимодействии в поэзии А. Блока, С. Городецкого и С. Клычкова трех типов субъектной организации: взаимозаменяемого, иерархического и уравнивающего. Коммуникативная стратегия, выбранная русскими поэтами, индивидуализи-

ровала субъектно-объектные отношения в их лирике, определяла идейно-субъектную пограничность. В результате такой межсубъектной целостности герой их лирики становится носителем разнородных мировоззренческих позиций.

Литература

1. Барт, Р. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика* / Р. Барт, пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.

2. Бахтин, М.М. *Эстетика словесного творчества* / М.М. Бахтин; сост. С.Г. Бочаров; текст подгот. Г.С. Бернштейн, Л.В. Дерюгина; примеч. С.С. Аверинцева, С.Г. Бочарова. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.

3. Блок, А.А. *Избранные сочинения* / А.А. Блок; вступ. статья и сост. А. Туркова; примеч. Р. Романовой. – М.: Худож. лит., 1988. – 687 с.

4. Брюсов, В. *Стихотворения* / В. Брюсов. – М.: Люмош, 1997. – 424 с.

5. Бычков, В.В. *Эстетика Владимира Соловьева как актуальная парадигма* / В.В. Бычков // *История философии*. – 1999. – № 4. – С. 3–43.

6. «...Вечно не та» / Сост. Л.Н. Таганов и О.К. Переверзев. – М., 2002. – 624 с.

7. Гиппиус, З.Н. *Стихотворения. Живые лица*. / З.Н. Гиппиус; вступ. статья, сост., подгот. текста, коммент. Н. Богомолова. – М.: Худож. лит., 1991. – 471 с. – (Забываемая книга).

8. Городецкий, С.М. *Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. Стихотворения* / С.М. Городецкий. – М.: Худож. лит., 1987. – 479 с.

9. Гречаник, И.В. *Художественная концепция бытия в русской лирике первой трети XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук* / И.В. Гречаник; Моск. гос. открытый пед. ун-т им. М.А. Шолохова. – М., 2004. – 31 с.

10. Клычков, С. *Потаенный сад. Стихи* / С. Клычков. – <http://www/coollib.com/b/217273> (дата обращения 13.12.2014)

11. Корман, Б.О. *Практикум по изучению художественного произведения* / Б.О. Корман. – 3-е изд. – Ижевск: Изд-во ИПК; ПРО УР, 2003. – 88 с.

12. Соловьев, В.С. *Собрание сочинений : в 6 т.* / В.С. Соловьев. – http://www.gumer.info/bogolov_Buks/Philos/Solov/Sm_Lubv.php (дата обращения 10.12.2014)

13. *Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. Т. 2: Бройтман С.Н. Историческая поэтика* / под ред. Н.Д. Тамарченко. – 3-е изд., стер. – М.: Издат. центр Академия, 2008. – 368 с.

14. Фрейденберг, О.М. *Поэтика сюжета и жанра: период античной литературы* / О.М. Фрейденберг. – Л.: Гослитиздат, 1936. – 454 с.

15. Ходоров, А.А. *Религия и революция в творческих исканиях интеллигенции Серебряного века: автореф. дис. ... канд. культ.* / А.А. Ходоров; РГГУ. – М., 2000. – 23 с.

Локтевич Екатерина Вячеславовна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Гродненский государственный университет им. Я. Купалы (Беларусь), lichorad.kat@mail.ru

Поступила в редакцию 17 декабря 2014 г.

ON THE PHENOMENON OF IDEOLOGICAL AND SUBJECT BORDERING IN RUSSIAN LYRIC POETRY AT THE BEGINNING OF THE XXth CENTURY (ON BASIS OF A. BLOK'S, S. GORODETSKY'S, S. KLYCHKOV'S POETRY)

E.V. Loktevich, Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus, lichorad.kat@mail.ru

The author singles out reasons of individualization of the subject-object relations in poetry of the beginning of the XXth century. The author determines the poets' of the Silver Age basic communicative strategies, and puts forward a typology of the subject organization of their lyrics. The author also dwells upon peculiarities of the turn-of-the-century religious situation in the Russian culture and reflects on the principles of new aesthetics meeting the requirements of non-classical lyric poetry. Using a systemic subject method the author shows interaction of three types of the subject organization (interchangeable, hierarchical, and compensating) in A. Blok's, S. Gorodetsky's and S. Klychkov's poetry, intersection or junction of these types being realized in ideological and subject bordering. The essence of the phenomenon of ideological and subject bordering is determined by the poets' religious and philosophic views. The author finds out typological similarity of the world view of A. Blok, S. Gorodetsky, and S. Klychkov as well as of other poets of the beginning of the XXth century: V. Bryusov, Z. Gippius, A. Barkova. The results of the given research help to further develop theoretical aspects of the subject organization of lyric poetry of the XIXth-XXth centuries, as well as of other periods.

Keywords: lyric character, intersubjectivity, neo-syncretism, subject organization.

References

1. Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Chosen works: Semiotics. Poetics]. Moscow, 1989, p. 616.
2. Bahtin M.M. *Eстетика словесного творчества* [Estetika of verbal creativity]. Moscow, 1979, p. 424.
3. Blok A.A. *Izbrannye sochineniya* [Chosen compositions]. Moscow, 1988, p. 687.
4. Bryusov V. *Stihotvoreniya* [Poems]. Moscow, 1997, p. 424.
5. Bychkov V.V. *Eстетика Vladimira Solov'eva kak aktual'naya paradigma* [Aesthetics Vladimira Solovyeva as actual paradigm]. Philosophy History, 1999, No. 4, pp. 3–43.
6. "Vechno ne ta ["... Eternally not that"] Sost. L.N. Taganov and O.K. Pereverzev. Moscow, 2002. 624 p.
7. Gippius, Z.N. *Stihotvoreniya; Zhivye lica* [Poems; Living persons]. Moscow, 1987, 479 pages.
8. Gorodeckii, S.M. *Izbrannye proizvedeniya. V 2-h tomah. T. 1.* [Chosen works. In 2 vol. Vol. 1. Poems]. Moscow, 1987, 479 pages.
9. Grechanik, I.V. *Hudozhestvennaya koncepciya bytiya v russkoi lirike pervoi treti XX veka* [The art concept of life in the Russian lyrics of the first third of the XX century]. Moscow, 2004. 31 p.
10. Klychkov, S. *Potaennyi sad. Stihi* [Undercover garden. Verses]. Available at: <http://www.coollib.com/b/217273> (date of the address 13.12.2014)
11. Korman, B.O. *Praktikum po izucheniyu hudozhestvennogo proizvedeniya* [Praktikum on studying of a work of art]. Izhevsk, 2003. 88 p..
12. Solov'ev V.S. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Praktikum on studying of a work of art]. Available at: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Solov/Sm_Lubv.php (data obrasheniya 10.12.2014)
13. *Teoriya literatury: ucheb. posobiedlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenii: v 2 t. / pod red. N.D. Tamarchenko. T. 2: Broitman S.N. Istoricheskaya poetika. 3-e izd., ster.* [Theory of literature: studies: in 2 t. under the editorship of N.D. Tamarchenko. T. 2: Broytman S.N. Historical poetics]. Moscow, 2008. 368 p.

14. Freidenberg, O.M. *Poetika syuzheta i zhanra: period antichnoi literatury* [Poetika of a plot and genre: period of antique literature]. L., 1936. 454 p.

15. Hodorov A.A. *Religiya i revolyuciya v tvorcheskikh iskaniyah intelligencii Serebryanogo veka* [Religiya and revolution in creative search of the intellectuals of the Silver age]. Moscow, 2000. 23 p.

Ekaterina.V. Loktevich, post-graduate student, Russian and Foreign Literature Department, Yanka Kupala State University of Grodno (Belarus), lichorad.kat@mail.ru

Received 17 December 2014

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Локтевич, Е.В. О сущности феномена идейно-субъектной пограничности в русской лирике начала XX века (на материале поэзии А. Блока, С. Городецкого, С. Клычкова) / Е.В. Локтевич // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2015. – Т. 12, № 3. – С. 78–84.

FOR CITATION

Loktevich E.V. On the Phenomenon of Ideological and Subject Bordering in Russian Lyric Poetry at the Beginning of the XXth Century (On Basis of A. Blok's, S. Gorodetsky's, S. Klychkov's Poetry). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2015, vol. 12, no. 3, pp. 78–84. (in Russ.)
